

“ПЕРФОРМАНС ПРИОРИТЕТОВ”: ПРОШЛОЕ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕМУ. ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНТЕКСТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.М. Плоских, А.А. Бекбалаев, В.И. Шаповалов

Критерии идентичности вырабатываются на основе национальной стратегии и в процессе широкого охвата исторического материала. Художественно-исторические хроники: 500 лет истории кыргызов связаны с участием в “гуннском” походе на Запад.

Ключевые слова: диалог культур; национальная самоидентификация; великое переселение народов; гунны; Аттила; кыргызский “этнокос” и гуннский суперэтнос.

Сегодня сценография международной политической арены – будь то Европа, Россия, Азия – такова, что для всех становится очевиднее факт: всякое общество представляет собой именно тот социально-исторический “перформанс приоритетов”, какой оно само видит в качестве идеала. Наиболее адекватная форма зрелой государственной политики, на которую только и можно рассчитывать и надеяться на ее результаты в обстановке кризиса (а весь XX в. демонстрировал нам в той или иной мере “обстановку кризиса”) – это выработка ответов на вопросы: “Какой сценарий развития событий соответствует стратегическим национальным интересам? Какие иные варианты развития ситуации заложены в реальном историческом процессе? Какова степень реалистичности, реализуемости желательного варианта” [1, с. 12]? Всякий комплекс национальных интересов, формирующийся таким образом, уже по определению требует системного осмысления, осознанного общественного соучастия и исполнения, поскольку он призван осознаваться и осуществляться осуществляется в масштабе нации: речь идет о долговременной стратегии – а значит, о громадной ответственности перед поколениями.

О национальной самоидентификации задумываются целые поколения ученых, со всей неизбежностью устанавливая прямую связь между целью создания правового государства и жизнеспособностью общества, а значит, между различными направлениями духовных и общественных интересов. Для Кыргызстана это отнюдь не менее важно, чем для его соседей, ибо никто не отрицает существование вызовов, грозящих самому существованию государства:

наша страна – хотим мы этого, или не хотим – будет участвовать в борьбе соседствующих государств за место под солнцем, ей придется выступать как носителю глобальных инициатив и опыта сохранения природных ресурсов (воды, воздуха, флоры и фауны), генетической безопасности, стремлений найти разумный баланс между формами жизни и природным окружением, а значит, чтобы, как говорили на Востоке, “защитить свою тень”. Мы должны знать, кто мы и каковы наши права на защиту тени, каковы силы для этой защиты, откуда мы будем черпать внутренние резервы для роста в будущем.

Многонациональное государство с гарантированной свободой развития всех национальных культур в условиях, когда система прав выстраивается как ответ общества на систему внешних рисков, – это сила, новая по своему внутреннему содержанию. Культурная самоидентификация нации, этносов, индивидуумов впервые прямо и безальтернативно связывается с социально-экономической самоидентификацией общества, с развитием в нем всех составляющих на основе современного видения этого невероятно сложного процесса. Совершенно неоспоримо: “История, опыт, восприятия, образы, интересы, убеждения, традиции, обычаи, ценности, нормы, системы вероисповеданий – это лишь некоторые из многих структур единого комплекса, которые в итоге составляют идентичность общества (*Identität einer Gesellschaft*)” [2, с. 6, 10], тем более в обстановке синтеза, соответствующей интердисциплинарности нового века.

Культурогенез – проблема, всегда остро (подчас – излишне остро) воспринимаемая в

околонаучной среде и оттуда распространяемая среди современников. Не что иное как История справедливо напоминает нам, что важно не то, откуда мы, а то, каковы мы как носители истории и ее качеств. Еще не до конца изжитое пренебрежительное отношение к кочевым культурам, основывалось, как часто отмечается, на критериях и ценностях европейской или китайской цивилизаций, и то, что не соответствовало этим критериям, признавалось варварским, а то, что соответствовало, – отсталым.

В подавляющем большинстве исторических фактов это действительно так. И дело даже отнюдь не только в противопоставлении оседлого и кочевого образа жизни. Вот пример, известный специалистам, но избежавший попадания в учебники: когда столкнулись две (оседлые!) цивилизации – Испания и империя инков, культурную непримиримость и войну на уничтожение вызвали не противоречия воинствующего католицизма и “местной” религии, а то, что в храмовых обрядах у инков приняты были массовые убийства, кровавые оргии, которые привели в ужас европейцев. Точно так же, враждебность белых колонистов США в отношении индейцев-охотников вызывала то, что индейцы применяли к захваченным нечеловеческие пытки, перед которыми бледнело искусство инквизиции. Однако, кочевые монголы были абсолютно толерантны по отношению к любой чужой религии в захваченных городах, и даже выказывали ей почтение, но вырезали всех, не оставляя ни одного живого существа, если город вдруг сопротивлялся... Россия и Великобритания много строили и многому учили людей в своих колониях, но англичане, оставив после себя море трупов, пользуются в этих колониях часто всеобщим уважением, а русские, оставив после себя на месте прежних колоний богатые республики, выслушивают гадости от всякого рода местных “саакашвили”.

То, что академическая наука предполагает опору на диалог культур, делает концепцию особенно актуальной для общества и государства. В этом плане разработка вопросов наследия, активизация и концентрация исследований, разработок и творческих инициатив на построение культурного фундамента развития общества и государства – всё это важно постольку, поскольку спектр исследований в отношении этой проблемы необыкновенно широк. Стоит вспомнить вызвавшую большой интерес у наших зарубежных коллег интерсемиотическую концепцию национальной игры “Ордо” как микро модели военно-демократической структуры кыргызско-

го общества. У нас великолепные археология, нумизматика, этноистория, сравнительное литературоведение, теория и история художественного перевода... Перечисление можно сделать бесконечным. У нас есть культурные “объекты”, имеющие уникальное содержание и соответствующую исследовательскую ценность.

Вот один пример. Есть мнение, что своим спасением кыргызский народ обязан “айлу”, внутриродовой семье, “малому уруку”. Там, где на перевалах веков гибли более многочисленные этносы, именно гибкая и, одновременно, сильная структура айла удержала кыргызское общество от распада. И даже в XX в., когда свирепая коллективизация и повальные аресты подорвали силы многих народов Страны Советов, аил спасал своих лидеров, аил жертвовал многим, но народ удержался как культурная целостность. Несколько лекций и докладов такого плана, сделанных нами в Европе, обычно производили фурор.

Так что ценность возврата к наследию – именно в контексте построения адекватной системы ценностей национальной культуры – не подвергается сомнению, поэтому бесспорны значение и роль исторических и мифологических носителей идей объединения, например, Аттилы, Манаса, Мухаммеда-кыргыза, Чингиза Айтматова.

Сразу следует отметить объективную бесспорность этих “брендов”, как принадлежащих к супернациональным архетипам. Отношение к ним, внешне порой неоднозначное, отнюдь не влияет на их внутреннюю значимость, не зависящую от конъюнктурных интерпретаций. Так, не выглядит бесспорным утверждение исследователя о том, что «низкий рейтинг эпоса “Манас”, связанных с ним персонажей свидетельствуют о высокой степени апатии населения, его разочаровании и недовольстве тем, как современные политики используют и применяют этот выдающийся памятник устного народного творчества, общее культурно-историческое достояние всех кыргызов для достижения собственных политических целей» [3, с. 33]. Говоря обо «всех», исследователь, надо сказать, не комментирует тот факт, что в ряде регионов страны общенациональный символ таковым не воспринимается, с ним в народном сознании конкурируют символы регионального ряда. Хотя, разумеется, точка зрения исследователя на нравственную “приватизацию” общенационального духовного символа представляется абсолютно справедливой.

С образом “императора гуннов” Аттилы связано логичное стремление расширить иден-

тификационные императивы нации за счет объективных исторических трактовок.

Растущий интерес к роли великого переселения народов, осуществлявшегося гуннами, важен для авторов данной статьи, один из которых является и автором четырехтомной трилогии “Гунны”. Гунны – это “корни нашего мышления и действия”. В истории государственности, которую увлеченно выстраивали исследователи во всех странах Центральной Азии, есть “белое пятно” – пять веков истории кыргызов, в течение которых народ как бы исчезает из ближайших геополитических ландшафтов. Проблему эту легче всего было замолчать. Между тем, активная и динамичная часть кыргызского “этника” в эти века, скорее всего, находилась в длительной и чрезвычайно насыщенной “командировке”. Кыргызы Ала-Тоо были вовлечены в гигантскую по срокам и масштабам кочевку – в составе племен гуннского суперэтноса наши пращурсы ушли в поход на великие центры западной цивилизации – Константинополь и Рим.

Это было величайшее в человеческой истории переселение народов: ни до этого (империя Александра Великого), ни после (империя Чингисхана и его наследников) не было таких примеров многовекового и многомиллионного движения человеческих масс от Китая до Галлии, Германии, Рима – и столь же масштабного планомерного отката цивилизации кочевников в традиционные ареалы обитания. В заключительной части трилогии – двух книгах романа “Аттила” – рассказывается о последнем этапе этой небывалой схватке с цивилизацией. Верховный каган гуннов Аттила, сенгир-хан кыргызского племени сабиров, завершил вековой “великий поход”: мировая история готовилась быть переписанной. Но великий военачальник был убит римской контрразведкой, чьи тайные посланцы много лет успешно воевали рядом с ним под видом его соратников – причем, соратников действительно талантливых и полезных, однако бывших таковыми лишь до той поры, пока гуннов можно было направлять на Константинополь. Но как только речь зашла о захвате Рима – великий каган Аттила был немедленно убит.

Гуннские племена в разных частях огромного евразийского пространства положили начало образованию новых народностей: акациры, биттогуры и сабиры на “Алты-Тао” (в основном, предки современных кыргызов, а также частично казахов, тувинцев, уйгуров, хакасов и других), ушли в Малую Азию предки современных турок, расселились по северным берегам Гунн-

ского моря предки современных болгар, остались в Паннонии предки современных венгров, перекочевали на реку Эдел (Итиль) предки современных башкир, татар, чувашей, в Предкавказье – предки балкарцев, карачаевцев, осетин... Рядом с гуннами были аланы, роксоланы, германцы и одни из самых верных их союзников – восточные протославяне, предки русских.

Говоря о культурных корнях, уместно процитировать последний тезис художественно-историческим хроник: *подавляющее большинство современных народов, потомков гуннов, смогли сохранить связующую их общегуннскую нить, которая контрастно выделяет их языковые системы из всех прочих языков мира – грамматическую агглютинативность языкового строя, а вместе с языком и сходный образ мышления и действия: упорство, отвагу и решительность.*

Естественно, принадлежность к мировым страницам истории важна для самоидентификации кыргызов. Мы знаем, что их предки (каковыми называют бесспорно таких прототюрков, как гунны) принадлежали к цивилизации, давшей миру гениальный принцип остаточного потребления, образцы социального поведения в сохранении природы, великолепные методики сохранения генетического здоровья, и при этом умение не бояться пространств, легко и масштабно организовывать экспансии за пределы известного мира, “за край ойкумены”, выстраивая философию личности как часть гармонического целого – рода, племени, народа.

Народ, сохранивший генетические корни такой цивилизации, может органично воспринять черты новой глобальной идеологии, которая позволит сохранить природные ресурсы и саму возможность существования человека в условиях их истощения и конкуренции за землю, воду и продукты питания.

От невероятно далекого, но, тем не менее, реального исторического прошлого протягивается вектор культурно-генетического кода, единства, в центре которого гигантская фигура эпического героя Манаса – символ национальной самоидентификации, персонифицированная метафора национальных надежд и, одновременно, самый величественный в общечеловеческой истории поэтический памятник, который сумело воздвигнуть человечество в бесчисленных попытках “остановить мгновенье” силой бессмертного Слова.

И как факт, утверждающий, что прошлое принадлежит будущему: фигура нашего совре-

менника Чингиза Айтматова, великого писателя, ушедшего из жизни, но стремительно входящего в историю с тем, чтобы помочь разместиться на тесном ее планетном пятке всем тем, кто кочевал на некогда безлюдных, необозримых и неосвоенных пространствах другого мира... Айтматов никогда не противопоставлял два цивилизационных типа, два принципа; ему чуждо было откровенно продуцировать идеологию номунизма. Он предпочитал говорить о диалоге как принципе общения культур. Но сам мир его героев – это мир материнского поля, накрытый звездной чашей млечного пути, “Дорога соломщика – Саманчынын жолу”. Это мир мифологии и народного искусства, мир кочевого быта, когда кочевка перестает быть бесконечным изматывающим странствием и становится гармонически подчиненным циклу природы путем внутри родного мира, родного дома.

Отвечая на предложенный Президентом пантеон великих имен, можно сказать, что, к примеру, Аттила – грозный символ гигантских экспансий, когда человечество запоминало свои корни и мучительно осознавало свое предназначение. Герой Манас – колоссальное стремление в этих экспансиях обрести себя как некую историческую общность. Мухаммед-кыргыз – мифологизированный образ “огосударственной” тенденции всякого народа к великодержавию, одновременно и ощущение того, что роды и племена должны стремиться к единению как народ. Айтматов – высокое завершение акта народной самоидентификации перед лицом тревожащих душу художника великих испытаний, которые скоро предстоит перенести человечеству и его родной земле.

Судьба новых идей – всегда вещь непростая. У отраслей культуры, науки, образования впереди в этом смысле – необозримое поле проблем. Чего стоит затянувшаяся болезнь нашей литературы, которая живет так, будто последних двух десятков лет не было вовсе. А ведь вывести из тени великое национальное наследие под силу, прежде всего, литературе.

Естественно, есть основания ожидать “турбулентности” новых подходов, в частности, новой концепции номунизма, равно как и нового взгляда на шаманизм и соотношение конфессий в народной судьбе, открытия новых историко-культурных контекстов на евразийских территориях. Наконец, надо надеяться, от описательности к уровню структурного осмысления придет отечественная наука и перекроет пути дилетантской мифологизации. И самое главное – все это будет подчинено реальным целям и надеждам страны, общества в процессе борьбы за будущее. Таково и проблемное, и “метафорическое” видение проблемы. И оно, по-видимому, имеет все права на существование, ибо культура – явление невероятно многозначное и упрощенными средствами не усваиваемое, особенно в системе понятий нового века.

Литература

1. *Назарбаев Н.* В потоке истории. – Алматы, 1999.
2. *Lapins W.* Vorwort // История и идентичность: Кыргызская Республика. – Бишкек: Фонд им. Фр. Эберта, 2007.
3. *Курманов З.К.* Об исторической самоидентификации кыргызстанцев // История и идентичность: Кыргызская Республика. – Бишкек: Фонд им. Фр. Эберта, 2007.